

A detailed illustration of a young woman with long dark hair and a flower crown, sitting in a forest stream. She is being comforted by a young man in a white shirt and patterned vest on the left, and a green-skinned, scaly humanoid figure on the right. The scene is set in a lush, sun-dappled forest with reeds in the background. The entire cover is framed by ornate golden floral patterns.

Арина Роз

Загробная любовь
или
дело лесной девы

18+

Арина Роз

Загробная любовь или дело лесной девы

<https://litres.ru/73499747>

SelfPub; 2026

Аннотация

Древняя Русь. В деревне гибнут молодые девицы - тела находят обескровленными, с ритуальными знаками. Селяне обвиняют лесных духов, но мавка точно знает: убийца - человек. Она начинает собственное расследование, распутывая паутину лжи и суеверий. Однако настоящий убийца уже выбрал следующую жертву - и это она сама.

Содержание

Глава 1. Первая кровь	4
Глава 2. Лесовик	9
Глава 3. Голоса деревни	15
Глава 4. Следы на песке	20
Глава 5. Вторая жертва	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Арина Роз

Загробная любовь или дело лесной девы

Глава 1. Первая кровь

Милава сидела на своем любимом камне у самой воды, наблюдая, как первые лучи солнца окрашивают гладь пруда в розовые и золотые тона. Утренний туман еще стелился над водой, но уже начинал рассеиваться под теплым дыханием рассвета серпня. Она расчесывала длинные волосы косяным гребнем, чувствуя, как каждая прядь откликается на близость родной стихии.

Год назад, когда Милава была еще простой девицей из деревни, что расположилась в полуверсте отсюда, она и не знала, что станет неотъемлемой частью этих вод. Теперь же пруд был ее домом, ее телом, ее душой. Она ощущала каждую рыбешку, что скользила в глубине, каждого водяного жучка на поверхности, каждый корешок ивы, что тянулся к влаге. Такова была природа мавки – слиться с водой воедино, но сохранить разум и память о прежней жизни.

У противоположного берега, среди густых камышей, виднелось что-то странное. Нечто бледное и неподвижное, что

не вписывалось в привычную картину утреннего пруда. Милава нахмурилась, вглядываясь в туманную дымку. Сердце – если у мавок есть сердца – учащенно забилося.

Соскользнув с камня, она бесшумно вошла в воду. Теплая вода приняла ее, словно объятия матери, и Милава поплыла к странному пятну, почти не нарушая глади. Чем ближе она подбиралась, тем яснее становились очертания.

Тело. Женское, молодое. Девушка лежала на спине среди поникших стеблей, раскинув руки, словно хотела обнять весь мир. Бледная кожа, светлые волосы, разметавшиеся по воде... Милава узнала ее – Дарья, дочь кузнеца. Всего восемнадцать зим, весела и смешлива, мечтала выйти замуж за сына мельника.

– Несчастливая... – прошептала Милава, подплывая ближе.

Но чем внимательнее она рассматривала тело, тем больше странностей замечала. Дарья не была просто утопленницей. Ее платье, хоть и промокшее, лежало слишком аккуратно – не так, как бывает при борьбе с водой. Руки чисты, без следов царапин от камышей. И странно – вода вокруг девушки была такой прозрачной, без той мути, что обычно поднимается.

Милава осторожно приподняла одну руку мертвой. На запястье виднелся тонкий порез – аккуратный, словно ниточкой прочерченный. И еще один на шее, чуть ниже уха. Милава повернула голову Дарьи и вздрогнула.

На бледной коже проступали едва заметные знаки. Резы

образовывали какой-то узор – не случайные царапины, а что-то нарочное. Милава не понимала их значения, но почувствовала нутром – в этих знаках таится что-то недоброе.

– Кто же тебя так изувечил, девонька? – прошептала она, аккуратно опуская руку мертвой обратно в воду.

И тут ее поразило самое странное. Крови совсем не было. При таких порезах должна была остаться хоть какая-то муть в воде, хоть какие-то пятна на камышах. Но все было чисто, словно Дарью только что осторожно положили сюда.

Милава нахмурилась. Что-то здесь было не так, но она не могла понять что именно.

Воспоминания нахлынули волной, болезненной и яркой. Год назад в Русальную неделю. Ее собственный отец тащил ее к этому пруду, крепко держа за руку.

– Кто мне старость скрасит? Ты – моя дочка, мне и служить должна! Не выйдешь замуж за того паренька – не уйдешь из дому! Останешься со мной навсегда! – шипел он ей в ухо.

Милава сопротивлялась, умоляла, но батюшка был непреклонен.

Перед самым прудом он остановился, глянул ей в глаза и прошептал:

– Девку до женитьбы утопить – в мавку обратить. Будешь жить в кадушке у дома, в избу приходить станешь. Полы мыть, печь топить, за мной ухаживать.

И толкнул ее в темную воду.

Милава помнила, как боролась, как пыталась развязать путы, как легкие жгло от недостатка воздуха. А потом... потом пришла тишина. Странная, почти блаженная.

Очнулась она уже мавкой. Духом, привязанным к месту смерти.

Через девять дней пришел отец к пруду.

– Милавушка, дочка, домой пора! Работы много! – позвал он с берега.

Милава вышла из воды, прекрасная и влажная, с длинными волосами и улыбкой на губах. Отец обрадовался, протянул руки... А она схватила его и потащила в глубину.

– Хотел, чтоб я тебе прислуживала? – шептала она, держа его под водой. – Хотел, чтоб навеки твоей была? Что ж... теперь ты навеки обо мне забудешь!

Милава топила его медленно, смакуя каждую секунду его ужаса, каждый его всхлип, каждую мольбу о пощаде.

Батюшка ее не обратился духом, а стал лишь мертвецом на дне пруда.

Матушка не пережила пропажи мужа и смерти дочери. Слегла, зачахла за месяц.

Первые дни были мукой – Милава не понимала, что с ней случилось, пыталась вернуться в деревню, но люди ее не видели. Только дети иногда показывали пальцем на пруд и шептались о «белой тетке», что живет в воде.

Со временем Милава приняла свою новую сущность. Даже полюбила ее. Вода давала покой, который она не знала в

людской жизни. Никто не мог причинить ей боль, никто не мог обвинить в том, чего она не совершала. Она была свободна.

Но теперь, глядя на мертвую Дарью, Милава чувствовала, как что-то сжимается в груди. Жалость к убиенной смешивалась с болезненными воспоминаниями о собственной смерти.

Осторожно поправив волосы мертвой девицы, Милава отплыла от тела. В голове кружились смутные мысли. Что-то в этом было неладно, но разгадывать людские беды – не ее дело.

Милава вернулась на свой камень, но покой не приходил. Образ мертвой Дарьи не давал забытья, а в душе все крепче поселялась тревога – смутная, беспричинная, но от этого не менее тягостная.

Глава 2. Лесовик

Милава провела весь день в беспокойных раздумьях, но к вечеру странное беспокойство из-за утренней находки сменялось желанием поделиться впечатлениями с единственным другом. Дубрав всегда умел развеять ее печали своей неунывающей натурой.

Выйдя из воды на прибрежную поляну, Милава ощутила, как теплая земля ласкает босые ступни. Вечерний воздух был напоен ароматами луговых трав и древесной прохлады, а в небе разливались золотые отблески заката. Такие моменты всегда напоминали ей, что смерть не конец – просто иная форма бытия.

Дубрава встретила ее привычным шепотом листвы. Милава легко шла по тропинке, известной лишь духам, наслаждаясь переходом между двумя мирами – водным и лесным. Здесь каждое дерево дышало мудростью веков, а солнечные лучи играли в кронах, как золотые рыбки в зеленых волнах.

– Дубрав! – позвала она, и голос ее зазвенел колокольчиком среди стволов.

– Сестрица! – раздался смех, и из дупла древнего дуба выскочил высокий зеленоволосый юноша в одежде из мха и листьев. – Соскучилась?

– Конечно! – ответила Милава, обнимая его. – Братец, странную вещь видела сегодня.

– Рассказывай. – Дубрав уселся на замшелый пенёк, похлопав рядом. – Только не говори, что опять рыбаки сети в твоём пруду растянули.

– Хуже. Мертвую девицу нашла.

Лицо лешего стало серьезнее.

– Утонула бедняжка?

– Не знаю... – Милава покачала головой. – Что-то там не так было. Порезы странные, крови нет, а платье словно кто аккуратно разложил. Голову ломаю – что бы это значило.

– Милава, – мягко сказал Дубрав, взяв ее за руку, – не наше это дело. Люди сами разберутся с людскими бедами.

– Ты прав, – вздохнула Милава. – Просто не могу выбросить ее из головы.

– Тогда развеем твои печали! Пойдем обратно к воде – я тебе новую песню лесную спою, которую ветры принесли.

Они вернулись к пруду, когда солнце уже золотило водную гладь. На дальнем лугу паслось стадо, а рядом с коровами сидел молодой пастух. Русые волосы развевались на ветру, а профиль выглядел благородно в лучах заката.

– Ого, красавец! – заметил Дубрав, прячась за ольхой. – Не видел такого прежде. Новенький пастушок.

– И что с того? – Милава старалась говорить равнодушно, но взгляд невольно задерживался на незнакомце.

– А то, что ты на него пялишься, как сова на мышь, – захихикал леший. – Иди поговори с ним!

– Зачем мне с чужим мужиком говорить?

– Повеселимся, поиграем с ним немного! – беззаботно махнул рукой Дубрав.

Милава хотела возразить, но в глубине души понимала – Дубрав прав. Год затворничества научил ее ценить покой, но сердце все еще помнило сладость человеческого тепла.

Приняв человеческий облик, она ступила на луг. Волосы потемнели до черного, кожа приобрела живой румянец, а в глазах заиграл человеческий огонек. Мокрая рубаха высохла, и Милава выглядела как обычная крестьянская девица.

При виде молодого мужчины память на миг вернула образ первой любви, что так болезненно кончилась.

Данила, ученик кузнеца. Сильные руки, добрая улыбка, честные серые глаза. Работал в кузнице, потому от одежды всегда тянуло дымом. Он дарил ей цветы, водил на весенние гулянья, шептал о любви под звездами. А потом... потом случилась та ночь на Купалу, когда Милава отдалась ему в березовой роще за деревней.

– Будешь моей женой, Милавушка? – спросил он, держа ее в объятиях.

– Буду, – шептала она, чувствуя себя счастливейшей на свете.

Они планировали свадьбу на осенние святки. Данила уже договаривался с ее отцом о приданом. Милава вышивала рушники, готовила сундук с добром. Казалось, жизнь только начинается.

А потом отец узнал об их близости. Вzbесился, обозвал

дочь блудницей, запретил выходить из дома. А через неделю утопил ее в пруду.

Данила пришел к ее могиле только раз – когда хоронили. Постоял, поклонился и ушел. А через месяц Милава видела его с другой девицей. Они смеялись, держались за руки. А потом была их свадьба.

Память жгла, как крапива. Милава стиснула зубы, заставляя себя думать о настоящем.

Пастух поднял голову, услышав шаги, и замер, словно пораженный молнией. Глаза его расширились, он поспешно поднялся, расправляя плечи, и даже пригладил волосы.

– Добрый вечер, – сказала Милава, подходя ближе.

– И... и тебе доброго, красна девица, – чуть запнувшись, ответил он, явно стараясь говорить увереннее. – Святослав меня зовут. А ты... откуда? В наших краях таких красавиц не встретишь.

Милава почувствовала, как щеки загораются. Compliment прозвучал не грубо, а с мягкой галантностью.

– Милавой меня зовут. Из деревни. Гуляю вот.

– Из какой это?

– Из далекой, – уклончиво ответила она. – А что у вас в деревне стряслось? По дороге слышала – девица какая пропала?

Лицо Святослава помрачнело.

– Дарья, дочь кузнеца. Бедняжку сегодня утром в пруду нашли. Теперь волхв Мстислав завтра ритуал проводить бу-

дет, причину смерти выяснять. — Он покачал головой. — Но не будем о грустном в такой прекрасный вечер. Лучше скажи — не опасно ли тебе одной по дорогам ходить?

В его голосе звучала искренняя забота, без намека на непристойность.

— Не боюсь я дорог, — улыбнулась Милава. — С детства привыкла.

— Смелая. Это хорошо. — Святослав посмотрел на нее с неподдельным восхищением. — А красота твоя словно сама из сказки вышла.

— Ох, каков льстец! — рассмеялась Милава, чувствуя, как давно забытая легкость возвращается в мертвое сердце.

— Не льщу, а правду говорю. — Глаза его смеялись. — И голос у тебя как песня речной волны.

«Если бы он знал, как близок к истине», — подумала Милава, но только шире улыбнулась.

Они проговорили еще с четверть часа — о дороге, о погоде, о том, как прекрасен закат над прудом. Святослав оказался не только красив, но и умен, и деликатен. Он не докучал назойливыми расспросами, не пытался подойти слишком близко, но смотрел с таким восхищением, что у Милавы кружилась голова.

— Мне пора стадо домой гнать, — сказал наконец Святослав, когда первые звезды засверкали в небе. — А ты... ты придешь сюда еще?

— Возможно, — загадочно ответила Милава.

– Я теперь... – Он запнулся, слегка покраснев. – Каждый день буду здесь пасти!

– Тогда приду.

Святослав просиял.

– Буду ждать!

Он погнал стадо к деревне, то и дело оборачиваясь. Милава махала ему рукой, пока он не скрылся за холмом.

– Корни и ветви! – раздался восхищенный голос Дуброва. – Я прямо покраснел от такой страсти.

– Не подслушивай! – возмутилась Милава, но без особой злости.

– А как же не подслушивать, когда моя сестрица так сладко воркует? – Леший выскочил из-за дерева, ухмыляясь. – Понравился пастушок?

– Забавный он, – призналась Милава. – Смешно краснеет.

– Ну и славно! Будем с ним играть, – беззаботно рассмеялся Дубрав. – Давно у нас развлечений не было.

– Кстати, – спохватилась Милава, – он говорил, что завтра волхв будет выяснять причину смерти Дарьи. На площади всех собирает.

– Эх, испортил настроение, – поморщился Дубрав. – Ну да ладно, авось обойдется. А вечер-то хорош!

Милава попрощалась с лешим и вернулась к пруду. Устроившись на любимом камне, она долго смотрела на звезды, размышляя о встрече с молодым пастухом.

Глава 3. Голоса деревни

Милава очнулась от дремотного забытья при звуке медного колокола, что разносился над прудом с холма, где стояла деревня. Звук этот она помнила с детства – так созывали жителей на важные советы, на праздники или в дни больших бед. Сегодня в нем слышалось что-то особенно торжественное и тревожное одновременно.

Поднявшись с камня, на котором провела ночь, Милава взгляделась в сторону деревни. По тропинкам к центру спешили люди – мужики в праздничных рубахах, бабы в цветастых платках, даже дети семенили рядом с родителями. Все двигались к святилищу, что располагалось на главной площади.

«Мстислав начинает свой ритуал», – поняла Милава.

Любопытство и тревога боролись в ее мертвом сердце. И после пары минут размышлений первое чувство победило – Милава скользнула к деревне невидимой тенью – в своём духовном обличье она была неразличима для людских глаз, словно утренний туман над водой.

На краю деревни, укрывшись за густым кустом бузины, Милава устроилась так, чтобы видеть площадь у святилища. Отсюда открывался хороший обзор на священное место – массивный дуб в центре, под которым стоял жертвенный камень, а вокруг возвышались деревянные идолы древних бо-

гов. Перун с секирой, Велес с рогами, Мокошь с полными руками зерна – все они взирали на собравшихся строгими ликами.

Народу собралось много – почти вся деревня. Мужики стояли ближе к святилищу, бабы с детьми – чуть поодаль. Лица у всех были напряженными, встревоженными. Толпа беспрерывно гудела от ропота.

Из избы, что стояла поблизости от святилища, вышел волхв Мстислав.

Милава невольно задержала дыхание. Она видела его и прежде, но издалека, мельком. Сейчас же он предстал во всем своем величии. Высокий, широкоплечий мужчина в белой рубахе, расшитой красными и золотыми нитями. На руках – массивные медные браслеты с выгравированными знаками. В правой руке – посох из ясеня, увенчанный костяными пластинами и птичьими перьями. Седые волосы были убраны в косу и перехвачены кожаным шнурком с амулетами.

Мстислав шел медленно, торжественно, и толпа расступалась перед ним с почтительным молчанием. Подойдя к жертвенному камню, он поднял посох и трижды ударил им о землю.

– Дети Перуна и Мокоши! – зазвучал его голос, низкий и властный. – Сегодня светило небесное взошло над прудом, багровым светом окрашенным. Боги говорят с нами языком знамений, а мы должны внимать их воле.

Толпа замерла. Даже птицы, казалось, притихли.

– Вчера на рассвете обнаружена была Дарья, дочь кузнеца Богдана, в водах пруда мертвая. Не от болезни ушла девица, не от старости. Смерть пришла к ней в расцвете лет, внезапно и жестоко.

Волхв достал из кожаной сумки горсть белых пластинок. Милава пригляделась и увидела, что это рунические кости. Мстислав разложил их на жертвенном камне, затем собрал и потряс в сомкнутых ладонях.

– Вопрошаю богов: кто виновен в смерти невинной? Кто осквернил светлые воды? Кто принес горе в наши дома?

Он подбросил кости высоко в воздух. Те со стуком упали на камень, разлетевшись в разные стороны. Мстислав внимательно изучил их расположение, нахмурился, покачал головой.

– Темные знаки, – произнес он скорбно. – Рассказывают кости о силах нечистых, что пробудились в наших краях. Говорят о жажде крови, о злобе, что копилась в глубинах и чащобах.

Из толпы слышались встревоженные возгласы. Женщины крепче прижимали к себе детей.

– Но кто именно? – крикнул кто-то из мужиков. – Назови имя, волхв!

Мстислав поднял руку, призывая к тишине.

– Не так просто вырвать правду у темных сил. Они хитры, они маскируются, они говорят полуправдой. – Он снова по-

тряс костями, снова бросил. – Но кости не лгут. Видят они воду, замутненную злобой. Видят лес, где скрываются погубители. Видят духов нечистых, что питаются страхом и болью смертных.

Милава внимательно слушала. Волхв не называл русалок или леших прямо, но намеки были более чем прозрачны.

– Видят кости темную силу, что вселилась в водных духов, – шептал Мстислав, водя посохом над костями. – Что-то извратило природный порядок, превратило хранителей в губителей. Духи стали жаждать крови, забыли древние договоры с людьми.

– А я говорил! – воскликнул один из крестьян. – На прошлой неделе корова моя к пруду подошла – насилу оттащил! Как взбешенная металась, в воду лезла!

– И у меня так же было! – подхватила старуха в черном платке. – Куры мои к лесу потянулись, а я их еле поймала.

– Помню, летось странные звуки из леса доносились, – добавил третий. – По ночам, как волки выли, только не по-волчьи.

Мстислав кивал, поощряя рассказы.

– Да, да. Все верно. Нечистая сила набирается мощи. Кормится страхом, растет от пролитой крови.

Толпа зашумела громче. Кто-то из женщин всхлипнул.

– Что же делать, волхв? – спросил седобородый старик. – Как защититься?

– Боги милостивы, – торжественно ответил Мстислав. –

Они дали нам силу и знание. Завтра, на закате, проведем обряд очищения. Принесете вы железо и огонь к пруду и в лес. Освятим воду пламенем, окропим землю кровью жертвенной. Изгоним нечисть туда, откуда пришла – в царство мертвых.

– А если она сопротивляться станет? – с тревогой спросила молодая баба.

– Духи хитры и могущественны, – признал волхв. – Пото-
му действовать будем осторожно. Не даст им Перун одолеть нас, если будем едины и тверды в вере.

Постепенно толпа начала расходиться. Люди уходили группками, оживленно обсуждая услышанное. Страх и возмущение звучали в каждом голосе.

«Глупцы», – с горечью думала Милава, пробираясь обратно к пруду. Какой прок лесным духам от деревенской девицы? А люди готовы поверить в любую небылицу, лишь бы найти виноватого.

Глава 4. Следы на песке

Милава скользнула к пруду в предрассветной тишине, когда туман еще стелился над водой плотной пеленой. Времени оставалось мало.

Она осторожно вошла в воду там, где вчера среди камышей лежала бедная Дарья. Поникшие стебли еще хранили память о трагедии – были примяты и сломаны, словно кто-то грубо проталкивался сквозь заросли.

– Что же ты скрываешь? – прошептала Милава, раздвигая камыши.

Илистое дно молчало. В мутной воде не сохранилось никаких следов. Но что-то здесь было не так. Дарью убили не в воде – об этом говорило состояние тела. Значит, её принесли сюда уже мертвую.

– Дубрав! – позвала она в сторону дубравы. – Братец, нужна твоя помощь!

Ответом стал шорох листвы, и через несколько мгновений из зарослей ивняка появился зеленоволосый юноша. Лицо его было встревоженным, а обычная беззаботность сменилась тревогой.

– Сестрица, плохие вести в лесу ходят, – сказал он вместо приветствия. – Звери мечутся, птицы стаи перелетные собирают. Что-то недоброе надвигается.

– Знаю, – кивнула Милава. – Мстислав завтра поведет де-

ревню «очищать» нас от скверны. Потому и позвала – помощи разгадать, кто истинный злодей.

Дубрав нахмурился, но послушно приблизился.

– Что искать будем?

– Место, где убили Дарью. – Милава указала на примятые камыши. – Её принесли сюда уже мертвую. Помогите мне, Дубрав. Ты умеешь читать лесные знаки лучше любого следопыта. Расскажи, откуда её несли.

– Попробую. – Дубрав открыл глаза и посмотрел в сторону леса. – Травы помнят. Ветки помнят. Идем, сестрица.

Они углубились в заросли ольшаника, что рос вдоль берега. Дубрав шел впереди, то и дело останавливаясь и принюхиваясь, словно лесной зверь. Милава следовала за ним.

– Здесь. – Леший остановился у небольшой поляны меж деревьев.

Земля в этом месте была примята, трава полегла. Милава внимательно осмотрела поляну и заметила что-то странное – меж корней старого дуба виднелся кусочек веревки.

– Дубрав, гляди!

Она осторожно вытащила веревку из-под корней. Пеньковая, крепкая, но главное – завязанная необычным узлом. Милава знала обычные узлы, но этот был иным – сложным, многослойным.

– Что за узел такой? – пробормотал Дубрав, разглядывая находку.

– Не простой, – нахмурилась Милава. – Видела я такие...

но где? – Она напрягла память. – Ах да! У торговцев дальних так товар вяжут. И у воинов – когда коней привязывают.

– Значит, не местный, что ли, убийца-то?

– Или местный, но бывалый. Купец, что по дальним дорогам ездит. Или служилый человек, что в дружине состоял. – Милава осторожно завернула веревку в лист лопуха.

– Много вариантов получается, – озабоченно сказал Дубрав. – Как среди них истинного злодея найти?

– Не знаю пока, – призналась Милава.

Дубрав с тоской посмотрел в сторону деревни.

– А завтра они придут к нам с железом и огнем. Мне некуда деваться, сестрица – это же мой дом.

– Знаю, братец, – вздохнула Милава. – Но может, и не дойдет до этого. Если разгадаем загадку, найдем настоящего злодея – глядишь, и передумают люди.

– Корни и ветви, было бы хорошо, – оживился Дубрав. – Только как убедить их?

– Подкинем им доказательства. Пусть сами догадаются. – Милава хитро улыбнулась. – Люди любят считать себя умными.

Дубрав растворился меж стволов, словно утренний туман. Милава поплыла обратно к пруду, размышляя о веревке и загадочном узле.

А на дальнем лугу уже показалось знакомое стадо. Святослав вел коров на водопой, и при виде его высокой фигуры Милава невольно улыбнулась. Вчерашний разговор оставил

приятное тепло в душе. Может быть, стоит снова с ним поговорить? Не только ради расследования – просто хотелось еще раз услышать его мягкий голос и увидеть, как он краснеет от смущения.

Глава 5. Вторая жертва

Утренний туман еще стелился над лугом, когда Милава приняла человеческий облик и направилась к пастуху. Святослав сидел на поваленном дереве, вертя что-то в руках, и напевал себе под нос какую-то незатейливую песенку. При виде приближающейся девушки он поспешно отложил работу и поднялся, расправляя плечи.

– Милава! А я и не надеялся, что ты придешь! – обрадовался он, и лицо его посветлело.

– А я пришла, – улыбнулась она, садясь рядом на мягкую траву. – А что ты делаешь?

– Веревку для привязи плету. Вчера старая порвалась, когда корова за куст зацепилась.

Милава наблюдала за его умелыми руками. Движения были уверенными, не суетливыми.

– Расскажи мне о своей семье, – вдруг попросила она.

– Да что там рассказывать... – Святослав чуть смутился. – Я младший из девяти детей. Родители мои уже старики, все старшие уже свои семьи создали. А я с родителями остался.

Милава слушала, любуясь его лицом в утреннем свете.

– А ты почему не женишься? – спросила она, стараясь придать голосу небрежный тон.

Святослав покраснел.

– Был сговор с одной девицей, да не сложилось, – пожал

он плечами. — Она за купеческого сына пошла.

— Значит, не твоя была, — мягко сказала Милава.

— Да, наверное... — Святослав посмотрел на нее с робкой надеждой. — А тебя родители еще не сосватали?

— Не довелось, — уклончиво ответила она.

Они помолчали, слушая утренние звуки — мычание коров, шелест листвы, далекий стук дятла. Милава чувствовала, как между ними возникает необъяснимая близость, словно между людьми, понимающими друг друга без слов.

— Милава, — тихо сказал Святослав, — я вчера всю ночь о тебе думал. Ты такая... необычная. Словно не от мира сего.

«Вот же дурень», — подумала она, но только загадочно улыбнулась.

— А что в этом дурного?

— Ничего дурного. Просто... — Он запнулся, подбирая слова. — Просто боюсь, что это все сон, и проснусь я, а тебя и не было вовсе.

Милава тронула его руку кончиками пальцев.

— Не сон, — шепнула она. — Живая я, настоящая.

Святослав осторожно накрыл ее ладонь своей. Руки у него были теплые, мозолистые от работы, но прикосновение оказалось удивительно нежным.

— Хочешь, расскажу тебе одну историю? — предложила Милава.

— Конечно.

— Жила-была в одной деревне девица. Красивая, умная,

но несчастливая. Отец ее любил так сильно, что не хотел никому отдавать. А она мечтала о воле, о любви настоящей...

– И что с ней стало?

– Что и с теми, кто слишком крепко держится за то, что им не принадлежит, – загадочно ответила Милава. – Потерял он дочку свою навсегда.

Святослав нахмурился, словно пытаюсь понять скрытый смысл притчи. Но прежде чем он успел задать вопрос, над деревней прокатился протяжный звук медного колокола.

Удар за ударом, настойчиво и тревожно. Святослав вскочил на ноги, всматриваясь в сторону холма.

– Недобрый это звон, – сказал он озабоченно. – Так зовут только в беде великой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.